

Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции

Статья посвящена вопросу кризиса жизненного мира запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции с точки зрения повседневности Петрограда как прифронтового города. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов анализируется повседневная жизнь запасных батальонов, их внутренние конфликты и конфликты с городскими властями и горожанами. Делается вывод о готовности запасных батальонов к антивоенному бунту, представлявшемуся как форма защиты основных принципов своего жизненного мира.

Ключевые слова: Первая мировая война, Петроградский гарнизон, гвардия, жизненный мир, повседневность, Февральская революция.

Февральская революция положила начало крушению старого мира. Обычно под этим понимается ликвидация монархии, слом царской армии, развитие революционного движения среди рабочих, солдат, крестьян, представителей окраин и народностей России. Меньше говорится о крушении, гибели жизненных миров многочисленных социальных групп. И еще менее анализируются жизненные миры непосредственных деятелей революционных событий¹ – частей Петроградского гарнизона, в том числе гвардии.

Исследование особенностей повседневной жизни запасных частей русской гвардии, трансформации их настроений, защиты своих традиций, ценностей, привилегий может раскрыть дополнительные причины перехода элитной солдатской массы на сторону революции, приведшей к падению самодержавия².

В данной статье повседневность запасных частей гвардии рассматривается как часть обычной жизни прифронтового города,

имевшего целью мобилизацию населения для пополнения армии и одновременно релаксацию фронтовиков в городе от военных будней. Другим важным аспектом столичной повседневности является устоявшаяся иерархия ряда социальных групп и корпораций, место в которой были вынуждены защищать запасные части гвардии. Работа основана на анализе впервые вводящихся в научный оборот материалов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА): управления главного начальника снабжений армий Северного фронта, штаба Петроградского военного округа, штаба 19-й пехотной запасной бригады, управления запасных гвардейских частей и управления инспектора войск гвардии при штабе Верховного главнокомандующего.

Запасные батальоны русской гвардии являлись частью Петроградского гарнизона, в который входили как гвардейские, так и негвардейские части. Основу гвардии составляли 12 запасных батальонов (в 1917 г. – резервные полки) гвардейской пехотной запасной бригады: Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Павловского, Финляндского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского и Волынского полков. В каждом батальоне было по 5–7 тыс. чел.³, а всего – 73 759 чел. по списку. К гвардии относились также запасные батальоны 4 гвардейских стрелковых полков по 6–8 тыс. чел. в каждом, всего – 28 067 чел. по списку. Кроме того, к составу гвардии принадлежали запасные роты гвардейского саперного батальона и гвардейского экипажа, гвардейский артиллерийский дивизион, запасной лейб-гвардии конной артиллерии дивизион, сводный казачий и гвардейский запасной кавалерийский полки. Всего, таким образом, в 22 запасных гвардейских частях Петроградского гарнизона насчитывалось 108 902 по списку, а налицо – 95 863 чел.⁴

К Петроградскому гарнизону принадлежали также части 1-й и 19-й пехотных запасных бригад. В отличие от гвардии, куда поступали призывники со всей России, в эти части набор производился из населения северо-западных губерний России, т. е. мест, относящихся к Петроградскому военному округу. К 1-й бригаде относились 175-й, 177-й, 178-й и 179-й пехотные запасные полки, насчитывавшие 23 717 чел. К 19-й бригаде относились 1-й, 3-й, 172-й, 176-й, 180-й и 181-й пехотные запасные полки, насчитывавшие 78 тыс. чел. (в среднем в первой половине 1916 г.). Кроме того, в состав гарнизона входили 16-я Ярославская, 308-я Петроградская, 343-я Новгородская, 86-я, 88-я, 89-я, 90-я и 348-я Вологодские пешие дружины государственного ополчения, а также 1-я запасная артиллерийская бригада⁵.

В настоящей статье исследуется жизнедеятельность гвардейских воинских частей, находившихся в черте города и готовившихся к отправке на фронт. Они выполняли различные виды работ и службы в городе и сталкивались лицом к лицу с различными слоями городского столичного населения. Проживание этих частей в столице было связано с их обязанностями по подготовке новых пополнений, а также охране на случай тревоги по обороне от воздушных нападений, и, наконец, по охране города на случай общественных беспорядков. Эти части были расположены и причислены к определенным полицейским частям и отделениям столицы, в основном в ее центре. К первой части относились батальоны Преображенского (Миллионная, 33), Павловского (Миллионная, 2), Кексгольмского (Морская, 67), 2-го стрелкового (Вознесенский проезд, 16) полков. Ко 2-й части относились батальоны Измайловского (Фонтанка, 120) и Петроградского (Измайловский пр., 2) полков. К 3-й части относились батальоны Семеновского (Загородный пр., 48), Егерского (Звенигородская, 5), Литовского (Кирочная, 37), Волынского (Виленский пер., 15) полков и 308-я Петроградская дружина (Шпалерная, 53). К 4-й части относились батальоны Гренадерского (Большая Вульфова, 27), Финляндского (Васильевский остров, 18-я линия, 5) полков, 4-й железнодорожный рабочий батальон (Петроградская сторона, Большой проезд, 84), 16-я Ярославская дружина («Старая Бавария», Петровский проезд, 9) и 88-я Вологодская дружина (остров Голодай, Голодаев пер., 6). К 5-й части относились батальоны Московского полка (Б. Сампсониевский пр., 63/65), 1-й (М. Охта, 26) и 181-й пехотные запасные батальоны (Выборгская сторона, Флюгов пер.), 3-й железнодорожный рабочий батальон (Сампсониевский пр., 84-Б), Охтенская местная пехотная команда (Охтенский пороховой завод). К 6-й части относились 180-й пехотный запасной батальон (Смоленское поле), 1-й (Обводный канал, 171) и 5-й железнодорожные рабочие батальоны (Обводный канал, 175), 86-я Вологодская дружина (Обводный канал, 21)⁶. На октябрь 1916 г. в этих частях насчитывалось свыше 116 тыс. чел.⁷

В литературе как аксиома сообщается об усилившемся пролетарском составе гвардии в конце 1916 г. Якобы «пролетарская прослойка» в гвардии составляла 24%, чем и объясняется переход запасных батальонов на сторону революции⁸. Данные о социальном и профессиональном составе гвардейских запасных батальонов рисуют иную картину. Когда в 1916 г. встал вопрос о замене бастовавших рабочих, специалистов по различным профессиям в области промышленности, то начальство запросило данные и по запасным

гвардейским батальонам о наличии в их рядах представителей рабочих специальностей. Но в батальонах лиц, владеющих рабочими профессиями, оказалось немного. В батальоне Преображенского полка их было 27: 24 шофера и 3 токаря. В батальоне Семеновского полка их оказалось 41: 4 шофера, 7 слесарей, 1 кузнец, 1 токарь, 4 специалиста по моторам внутреннего сгорания, 1 столяр, 21 плотник, 1 маляр, 1 литейщик. В батальоне Измайловского полка таких специалистов оказалось 37: 1 шофер, 1 слесарь, 3 кузнеца, 8 токарей, 4 молотобойца, 1 железнодорожник, 3 столяра, 10 паяльщиков, 5 маляров, 1 колесник. В остальных батальонах была такая же картина: по 30–50 человек специалистов, т. е. не больше 1% состава. Только в Егерском полку их оказалось 191 чел. (около 3% состава). Но даже и в таком небольшом количестве представителей рабочих специальностей, собственно связанных с деятельностью в промышленности лиц, было немного. Главным образом это были каменщики, плотники, землекопы, штукатуры, маляры, столяры, которых отнести к представителям технических специальностей можно с натяжкой, учитывая знакомство в деревне с такими работами почти всех крестьян. Кроме того, начальство не доверяло подлинности самих заявителей, подчеркивая, что все сведения известны только с их собственных слов⁹.

Гвардейские батальоны пополнялись в основном из состава крестьян и мещан со всей России. Только в августе 1916 г. в гвардию на пополнение пришли 50 тыс. ратников 2-го разряда, что составляло приблизительно треть состава запасных батальонов¹⁰. Вновь прибывшие в батальоны, особенно к началу 1917 г., несли на себе все признаки недовольства затянувшейся войной, истощения людских резервов, ухудшения качественного состава новобранцев и ополченцев 2-го разряда. Постоянное обновление запасных частей угрожало традиционному элитному составу гвардии. Поэтому сосуществование в Петрограде наряду с гвардейскими частями пехотных запасных полков имело определенный смысл в поддержании стабильности элитных частей. Как правило, именно в запасные полки отправлялись все нарушители, дезертиры из гвардии. Проблема опущения гвардейских запасных частей от преступного или полупреступного, а в некоторых случаях и революционного (эпохи революции 1905–1907 гг. и после нее) элемента даже обострилась к концу 1916 г. Это было связано с большим количеством (6–7% от состава пополнений) лиц, ранее отбывших сроки заключения за различные преступления и лишенных права поступать на военную службу. В связи с декриминализацией статей соответствующих законов таких лиц стало все больше попадать в армию, в том числе

и в гвардию. Правда, в запасных гвардейских батальонах они долго не оставались и передавались в запасные пехотные батальоны. Однако такая пересылка затягивалась на несколько месяцев, когда эти лица уже были зачислены в гвардию. В результате полупреступный элемент оставлял следы своего пребывания в «элитных» частях, понижая их качество¹¹. В запасные полки также прибывали командировочные с фронта, часто с бунтарскими настроениями, что вносило в атмосферу запасных полков элемент тревоги, нарушения дисциплины¹². Гвардейцы имели контакты и с другими родами войск, где понятия дисциплины были размыты. Так весной 1916 г. в казармах Московского полка помещались несколько человек гальванеров, командированных с судов Балтийского флота на завод Эриксона. В результате начальство полка оказалось перед лицом серьезного нарушения дисциплины со стороны моряков. Чистота рядов гвардии нарушалась также и в результате постоянного перемещения дезертиров из полка и обратно. Так, дезертиры, уйдя из части, возвращались порою добровольно в нее. Однако опыт ухода от службы, конечно, передавался сослуживцам¹³. Большую проблему в запасных батальонах представляли пополнения из числа «эвакуированных», т. е. прошедших курс лечения в Петроградских госпиталях и вновь направленных в армию. Как лиц с расшатанной дисциплиной, их оставляли в четвертой роте батальонов. Но и там они представляли серьезную опасность для поддержания порядка, что и выразилось в их активном участии в февральских событиях¹⁴.

В литературе порою представляют жизнь в запасных частях в Петрограде как почти бесцельное времяпрепровождение¹⁵. Источниками для такой информации служат воспоминания гвардейцев-фронтовиков, искавших в Петрограде возможности отдохнуть, развлечься. В некоторых работах даже содержатся ошибочные утверждения, что попадание в гвардейские запасные части освобождало вообще от несения военной службы на фронте. В итоге решение послать гвардейцев-запасников на фронт весной 1917 г. и стало якобы главной причиной их бунта¹⁶. На самом деле главной задачей всех запасных частей Петроградского гарнизона было обучение новых пополнений для отправки в действующие гвардейские и пехотные полки. Для этого использовалась система интенсивного обучения (в течение 8–16 недель), построенная на постоянно совершенствовавшихся программах и методических пособиях и заканчивавшаяся проверкой – осмотром маршевой роты. Важнейшими в этом процессе подготовки являлись курсы учебной команды, дававшей младший начальствующий состав пополнений. Форма

отчета такого осмотра предусматривала наличие «паспорта» роты. В нем были указаны все лица, обучавшие роту, рядовой состав с указанием происхождения военнослужащих, количество недель обучения, результаты стрельб, одиночной выправки, дисциплины в строю, ружейных приемов, виды строя, тактическая подготовка, полевой устав, знание своих обязанностей, уставов (гарнизонной, полевой, охранной службы), штыкового боя, окопного дела, стрелковой подготовки, а также результаты проверки обмундирования, обуви, снаряжения. В конце отчета помещались общее заключение о готовности роты к отправлению на фронт и подписи проверочной комиссии¹⁷. Только в 1916 г. 16-ю гвардейскими запасными батальонами было отправлено на фронт 222 маршевые роты, включая 1039 офицеров и 78 988 нижних чинов. А всего за 1914–1916 гг. всеми гвардейскими запасными частями было выпущено в качестве пополнения в действующие гвардейские части на фронте 2528 офицеров и 253 486 нижних чинов (по годам: 386 и 46 381; 1060 и 122 800; 1082 и 84 305)¹⁸. Кроме маршевых рот, батальоны готовили еще специальные команды: пулеметчиков, минометчиков, бомбометчиков, разведчиков, как конных, так и пеших, телефонистов¹⁹.

Гвардейские части и на фронте пытались поддержать свою особенность, элитность. Этому способствовало и то, что именно они первыми получали для испытания новые образцы обмундирования, продовольствия, вооружения и т. п.²⁰ От гвардии требовалось поддержание и высоких боевых качеств, морального духа. Однако именно на фронте стали выявляться несоответствие подготовки вновь прибывающих из Петрограда частей заданным, ожидаемым параметрам. Тревожные сигналы приходили уже с начала 1916 г. Правда, они касались всей армии²¹. Но вскоре уже и командиры гвардейских частей стали выдвигать претензии к начальству гвардейской запасной бригады в связи с низкой боевой и морально-политической подготовкой. Командир Измайловского полка в январе 1917 г. заявлял, что прибывшие нижние чины не были ознакомлены с историей полка за текущую компанию, с подвигами отдельных нижних чинов, вообще с успешными боями полка. Тогда же командир 2-го гвардейского стрелкового полка писал, что в ряде рот почти во всех отделах, как по строевой, так и по боевой подготовке, результаты оказались только удовлетворительными, несмотря на срок обучения 8–9 недель. Особенно подчеркивалась слабая одиночная подготовка, штыковой бой, вообще боевая сообразительность, подготовка, которая «или ниже удовлетворительной, или вовсе отсутствует». Командир полка ставил вопрос

об общем духе подготовки присылаемых пополнений. Фронтные начальники считали, что маршевые роты вообще не готовы к атакам. Командир Семеновского полка П.Э. Тилло констатировал «отсутствие желания у запасного батальона идти навстречу своему полку» и даже требовал произвести замену командира запасного батальона полковника П.И. Назимова. Помощник начальника гвардейских запасных частей полковник В.И. Павленков возражал на обвинения с фронта, что подготовка призываемых людей в запасных батальонах «велась и ведется в настоящее время строго на основании соответствующих приказов, инструкций и распоряжений», а сами маршевые роты получили удовлетворительные оценки при заключительном осмотре, в чем принимали участие и начальники с фронта. В конечном счете Тилло после личных сношений с полковником Назимовым посчитал его дальнейшую службу в должности командира батальона возможной, а замену его новым лицом, не ознакомленным со сложной организацией запасного батальона, нежелательной. Так перед лицом необходимости сохранения единства в гвардии претензии фронтного начальства были временно сняты²².

Казалось, меньше испытаний для гвардии представит исполнение запасными батальонами традиционных обязанностей по охране важнейших объектов в столице. Такие функции гвардии являлись, пожалуй, самой ценной для этой корпорации чертой жизненного мира. И рядовые гвардейцы, и начальство крайне высоко ценили свои обязанности и вытекавшие из них привилегии по участию в парадах, караулах и церемониях, возможности часто видеть Николая II и членов императорской фамилии и даже быть им лично известными²³. Во время войны значение этих обязанностей еще более возросло. Начальник гвардейских частей Чебыкин полагал, что на этих частях лежит «совершенно особая обязанность, а именно охрана Петрограда». Для этого у каждой части был свой район, охватывающий несколько полицейских участков, различных казенных учреждений, заводов и фабрик и т. п. При этом в целом караулы гвардейских частей стояли в основном в престижных пунктах: в Зимнем, во дворцах членов императорской фамилии, императорских театрах, на объектах государственной важности – газовый завод, электрическая станция, Арсенал, водоканал, Госбанк, Царскосельский вокзал, почта, телеграф и т. п. Еще в 1915-м и начале 1916 г. части гвардейцев посылались на охрану ряда заводов: Обуховского, Балтийского, Путиловского. Однако в конце 1916 г. на заводах их заменяют негвардейские части, хотя и входившие в Петроградский гарнизон. Правда, гвардейские части должны были

выделять наряды на заводы в чрезвычайных случаях по запросу гражданских властей. Всего в ежедневном наряде для несения гарнизонной службы гвардейскими частями, расположенными в городе, на ноябрь 1916 г. выставлялось от 12-ти батальонов основных полков и трех стрелковых и одного саперного батальонов из общего состава 83 817 чел. – 2467 чел. из 4005 чел. от всего гарнизона²⁴.

Кроме обучения, караульной службы по городу, военнотружущие запасных гвардейских частей вели широкую концертную, а также и деловую деятельность. Связано это было исторически с тем, что сам состав гвардии обладал интересным, порою талантливым контингентом людей, рассматривавших службу в гвардейских частях в столице как «социальный лифт». Прибывши в Петроград, они легко находили себе возможность проявить свои таланты на многих поприщах. Значимость гвардейцев особенно возросла во время войны в связи с общей нехваткой рабочей силы в различных областях жизни. Так, например, хотя в запасных батальонах было разрешено держать в каждом не более чем 12 человек взрослых солдат-певчих, с начала военного времени полковые хоры имели по 150 человек. Как правило, эти певчие, исключительно из ратников 1-го и 2-го разряда, т. е. не принадлежащие к переменному, готовящемуся к посылке на фронт, составу, занимались только пением, часто даже жили на частных квартирах, несмотря на неоднократные приказы, запрещающие военнотружущим жить вне казарм. Свое мастерство воины-певчие проявляли в монастырях, кинотеатрах, театрах, обращая заработанное в свою пользу, но, возможно, и делясь с непосредственным начальством. Так, в батальоне Финляндского полка таких певчих было 150 человек, в батальоне Семеновского полка – 165, Егерского – 60, Измайловского – 120, из которых половина жили на квартирах и занимались частными делами. Некоторые из хористов-певчих и жили прямо по месту нового служения – в Александро-Невской лавре, в Афонском и Старо-Афонском подворье. Порою они и одевались то в монашеские одеяния, то в штатскую одежду, и лишь иногда – в военную форму. В ряде батальонов дело дошло до официального набора певчих и мальчиков из состава батальонов для певческой деятельности. Такой контракт был заключен, например, Романовской церковью с батальоном Литовского полка. Такой же договор на 9 тыс. рублей подписали 30 певчих Павловского полка. С просьбой о обязательном участии в богослужениях в церкви большого Царскосельского дворца обращался к командиру запасного батальона 4-го стрелкового полка начальник Царскосельского дворцового управления. Из переписки видно, что певчие батальона пели в лазарете Красного

Креста, а также частью в придворной церкви Знамения. При этом в действительности певчие придворной капеллы просто были прикомандированы к полку²⁵.

Активное участие артисты и хористы гвардейских полков принимали в спектаклях и службе в императорских театрах. Отношения театральной столицы и гвардейских частей имели давнюю традицию. Зачинателями являлись гвардейцы-измайловцы, еще в 1884 г. создавшие офицерское общество «Измайловский досуг». Его целью было «сплотить воедино полковую семью посредством обмена мыслей и мнений». Деятели «Досуга» предлагали нести в армию идеи «доблести, добра и красоты», оплести «меч с лирою»²⁶. Активным членом, а затем и председателем «Измайловского досуга» являлся великий князь Константин Константинович (К. Р.). На посту Главного начальника, а затем генерал-инспектора военно-учебных заведений он проводил подобные идеи в программе воспитания будущих офицеров в духе «гуманизации» кадетских корпусов²⁷. В 1909 г. силами «Измайловского досуга» была поставлена драма «Мессиянская невеста» в переводе К. Р. 29 января 1909 г. спектакль был повторен для царя в Императорском Китайском театре в Царском Селе. Наибольший успех «Измайловского досуга» пришелся на 1914 г., когда был поставлен спектакль «Царь Иудейский» по одноименной драме К. Р. Цензура не позволяла ставить пьесы с событиями библейской истории. Однако исключение было допущено для «Измайловского досуга» как любительского театра. Все расходы по постановке пьесы по велению царя взял на себя Кабинет его Величества, а директору Императорских театров В.А. Теляковскому был данo распоряжение выдавать ассигновки на все расходы, составившие 43 тыс. руб. Мало этого: в постановке пьесы принял участие Придворный оркестр. Именно в ходе этой постановки началось тесное сотрудничество между деятелями «Измайловского досуга» и театральными и музыкальными деятелями столицы. Так, музыку для драмы написал А.К. Глазунов. В самое же пьесе кроме чуть ли не всех офицеров Измайловского полка приняли участие артистки Александринского театра М.А. Ведринская и Е.И. Тиме, Малого (Суворинского) театра, ученицы Драматических курсов, кордебалет Марининского театра с сольным выступлением балерины Шоллар, церковный хор князя Иоанна Константиновича. Декорации для спектакля написал художник П.К. Степанов, костюмы шились в костюмерной мастерской Императорских театров по эскизам художника Н.А. Клименко. «Царь Иудейский» был дан 9 января 1914 г. на сцене Императорского Эрмитажного театра в присутствии царя и 26 членов Императорского дома. С этого дня

«Измайловский досуг» стал известен всему культурному Петербургу и даже шире. Спектакль был повторен для представителей русской и иностранной прессы, а затем для членов Императорской Академии наук²⁸.

Такое сотрудничество гвардейских частей и театров Петербурга распространилось и на другие полки, являлось важной частью жизненного мира гвардии наравне с почетными караулами и обязанностями по охране порядка в столице империи. Как и в случае с певчими столичных храмов, участие гвардейских артистов закреплялось контрактами. Например, артисты Финляндского полка в течение нескольких лет выступали на сцене Мариинского театра, причем в 1909 г. сам царь поддержал участие хора полка в спектаклях в императорских театрах. Как и ранее, такое разрешение на участие артистов Финляндского полка было получено в конце 1916 г.²⁹

Особенно крупное участие гвардейских хоров, артистов пришлось на новогодние и рождественские праздники 1917 г. Командир запасного батальона Измайловского полка в январе 1917 г. просил разрешить его нижним чинам в свободное от службы время участвовать в спектаклях императорских театров, Балетной и драматической труппе, а также оркестре музыкальной драмы Малого театра. С помпой готовились отпраздновать зимой 1917 г. 100-летие участия оркестра Кексгольмского полка на сцене Мариинского театра. Причем в качестве спектакля была избрана опера «Фенелла» («Немая» – «La muette de Portici») с участием М.Ф. Кшесинской. Чтобы разрешить играть актерам музыкальной драмы, состоящим в гвардейских запасных батальонах, пришлось вновь заручиться поддержкой самого царя. В другом случае за разрешением симфоническому оркестру Преображенского полка принять участие в русском Симфоническом концерте в зале консерватории обратился профессор консерватории А. Глазунов. Композитор уточнял при этом, что репетиции будут платными.

Как только вопрос получил финансовую базу, это значительно продвинуло дело разрешения участия артистам-гвардейцам запасных частей в многочисленных развлекательных мероприятиях столицы. Так, струнному хору Преображенского полка обещали за участие в концерте дать 1500 руб., из которых часть назначалась в пользу полкового работно-инвалидного дома, а часть – в пользу Дамского лазарета. Широкая программа с участием 2-го музыкантского хора запасного батальона Преображенского полка ожидалась на концертах, устраиваемых в Зале армии и флота еженедельно в новогодние и рождественские праздники (4, 11, 18 и 25 января и

8 и 22 февраля 1917 г.) герцогиней Лейхтенбергской и генеральшей Раевской с отнесением части сбора в пользу работно-инвалидного дома Преображенского полка. Не забыт был и оркестр запасного батальона Волынского полка, который принимал участие в благотворительном концерте в Александровском зале городской думы. Сбор поступал на устройство офицерского санатория имени павших на поле брани. Поступил запрос от театрального товарищества «Палас-Театр» В.А. Кошкина и администратора Л.Л. Людомирова на участие в благотворительных спектаклях в пользу георгиевского комитета, организации «Артист – солдату», лазаретов для раненых воинов и других благотворительных учреждений, связанных с нуждами войны. От театра Панаевской, где служило 300 человек артистов, музыкантов и рабочих, поступил запрос на участие артистов из гвардейских батальонов, со ссылкой на подобное разрешение для артистов частных театров музыкальной драмы, театра А.С. Суворина и Народного дома. Концерты гвардейцев использовались и прямо «для усиления своих средств». Например, в рождественском вечере в зале Калашниковской биржи под названием «Древнерусское игрище» перед началом «игрища» и в антрактах просили принять участие полный оркестр Павловского полка. Солдаты запасного батальона Гренадерского полка должны были принимать участие в спектаклях театров музыкальной драмы и Народного дома. Для этого испрашивалось право находиться на репетициях вместо продолжения учебы в полку. Запросы на участие артистов-гвардейцев поступили от Всероссийского общества артистов варьете и цирка и т. п.³⁰

Некоторые батальоны уже в начале 1917 г. строили планы на игры в публичных увеселительных местах летом 1917 г. в курортных пригородах столицы. Так, в Павловский вокзал был приглашен играть оркестр запасного батальона 1-го стрелкового полка, чем продолжал традицию таких выступлений с 1886 года. От артистов хора запасного батальона Московского полка поступил запрос на частную игру в публичных увеселительных заведениях по Финляндской железной дороге в продолжение летнего сезона, в частности в саду Шантеклер в Озерках. Командир запасного батальона Волынского полка настаивал на разрешении играть оркестру полка в курзале Сестрорецка в течение летних месяцев для оплаты (в размере 7 тыс. руб.) инструментов, пропавших при отступлении из Варшавы, а также при немецких погромах в Москве в мае 1915 г. Подобная же просьба поступила фактически в те же дни и от командира запасного батальона Измайловского полка на участие в музыкальных выступлениях в том же сестрорецком курорте летом

в «поддержку в святом деле увековечения памяти усопших героев – чинов полка – устройством склепа и установкой мраморных досок с фамилиями нижних чинов – георгиевских кавалеров, и с фамилиями всех чинов, за веру, царя и отечество на поле брани живот свой положивших». Предполагалось из заработанных оркестром денег произвести отчисления в фонд капитала на создание в будущем Измайловского инвалидного дома для нижних чинов полка – участников настоящей войны³¹. Такая просьба может быть примером попыток сохранить память об ушедших из полка товарищах, остававшихся частью жизненного мира гвардейцев.

Давали концерты гвардейские артисты, как и артисты других столичных запасных частей, для собственного контингента. Правда, это вызывалось внутренними для частей причинами. Так, в 1916 г. командир батальона Измайловского полка полковник П.В. Данильченко, известный и ранее как любитель театра и организатор «измайловских досугов»³², для искоренения самовольных отлучек и «бесцельного шатания по городу в праздники» организовал театр, в который были привлечены лучшие артистические силы Петрограда. На сцене ставились пьесы патриотического и бытового содержания. На каждом спектакле присутствовало не менее 3 тыс. нижних чинов. Этот «благий почин» поддержали и другие запасные батальоны, обзаведшиеся почти все театрами и кинематографами. Деятельность Данильченко была настолько высоко оценена, что Чебыкин направил ходатайство инспектору запасных частей гвардии отложить посылку Данильченко в действующий полк для отбытия ценза командования батальоном. Другая проблема – репертуар, который мало соотносился переживаемому времени. Так, в батальоне Гренадерского полка была дана оперетта «В волнах страстей», «исполненная лучшими силами опереточных артистов, отбывающих воинскую повинность». Такой репертуар артистов-гвардейцев возмутил даже заместителя начальника гвардейских частей Павленкова, потребовавшего, чтобы для участия в спектаклях приглашались только нижние чины, а репертуар их должен соответствовать слушателям и данному времени³³.

Кроме концертной деятельности была и другая, явно нелегальная деятельность запасников-гвардейцев. Порою многие из них вообще оказывались в гвардейских полках, как полагали их сослуживцы, по «блату». Так, некий солдат В. Набережных первоначально служил в Вологодской пешей 86-й дружине, а затем «за деньги» был переведен в лейб-гвардии Саперный батальон. Другой ратник 1-го разряда, сын богатого холмогорского купца Николай Батраков, в январе 1915 г. был принят на службу и отправлен в запасной

батальон Павловского полка. Однако по прибытии в Петроград он оказался на службе в главной полевой почтовой конторе. При попытке его перевести в маршевую роту выяснилось, что Батраков оказался теперь в отпуске на родине... Для выяснения местонахождения Батракова пришлось обращаться (уже в августе 1916 г.) в Вологодскую местную бригаду, к заместителю начальника штаба Петроградского военного округа Л.О. Сирелиусу и самому начальнику частей гвардии Чебыкину³⁴. В одной из анонимок указывалось, что «много таких за деньги прятаются в разные места, например, при больницах, лазаретах и красном кресте, говорят, что некоторые совсем не служат, а только числятся и свои дела делают»³⁵. Именно эти солдаты использовали свое нахождение в Петрограде как «социальный лифт». Так, в штаб поступили сведения из нестроевой команды Егерского полка на солдата Б.К. Воробьева, которого видели в штатском платье. Ефрейтор учебной команды запасной автороты профессиональный наездник А.Н. Сорокин использовал своей нахождение в запасном батальоне для участия в лошадиных бегах. Поступали сообщения о подобном поведении других военнослужащих. Солдат И.П. Барышников почти ежедневно по утрам выезживал лошадей князя Вяземского, а также участвовал в бегах в качестве наездника. Другой служивший в запасном батальоне Семеновского полка профессиональный наездник Д.Д. Романов занимался выездкой рысистых лошадей, принадлежавших одному из полковников полка, а в беговые дни выступал наездником на Семеновском плацу. Другие нижние чины запасного батальона Измайловского полка ратники ополчения Стрелков и Левандовский, проживавшие на частных квартирах, носили штатское платье и выступали в кинематографах в качестве артистов и т. п.³⁶ Трудно поверить в неведение начальства о подобных фактах.

Некоторые военнослужащие сумели и вовсе развернуть крупную деловую деятельность. Так, старший унтер-офицер запасного батальона Семеновского полка П. Мелькер, состоя старшим в команде нижних чинов при офицерском флигеле, имел в своем ведении команду рабочих, выполнявшую в батальоне различные ремонтные работы. Мелькер до войны был десятником, выполнял ответственные строительства, обладал деловой сметкой. Теперь, оказавшись в Петрограде, он смог развернуться вовсю: арендовал частную квартиру для пересдачи ее своим знакомым, вложил крупную сумму (12 тыс. руб.) на покупку кинематографа, вошел в контакты с начальством для производства различных работ, за что получал подарки, получал он подарки и от нижних чинов, возвращавшихся из отпусков³⁷.

Но и полковое начальство запасных гвардейских частей не упускало возможности использовать деловую хватку гвардейцев. Так, начальник хозяйственной части батальона Егерского полка узнал, что среди нижних чинов есть рыболовы, уроженцы Астраханской губернии, хорошо знающие условия рыболовства. Возникло предположение об образовании из нижних чинов батальона, уроженцев Астраханской губернии, специалистов-рыболовов, особой рыболовной команды для лова рыбы в Каспийском море. Для этого была организована командировка ряда служащих полка. Возвратившиеся из нее доложили о том, что сумели завести знакомства среди рыбопромышленников для продвижения проекта. Одним из таких дельцов в Астрахани оказался крупный рыбопромышленник О.Г. Агабабов. Не мешкая, он сразу предложил посланцам-гвардейцам подписать проект о создании специальной рыболовной команды. Как выяснилось в Астрахани, рыболовная команда от Егерского полка оказалась не единственной. Шесть пехотных запасных батальонов уже осуществляли лов на хозяйственной основе. Формально команды ловили рыбу для потребностей батальонов. Однако избыток, превышающий их потребность, продавали по весьма выгодным ценам частным лицам или хранили в запасах, достигших десятков тыс. пудов. По существу, таким образом обходился запрет на участие военнослужащих в работах частных предприятий. Что касается батальона Егерского полка, то дело здесь было поставлено на широкую ногу, подключены были самые высокие лица из командования войск гвардии. Кроме этого, в том же батальоне «по искони существующему обычаю» производились работы рабочими-военнослужащими для офицеров, даже бывших. Начальство (Чебыкин) «не считали правильным посылку нижних чинов, как рабочих, «в частную квартиру», однако фактически смотрели на это сквозь пальцы, если это не приводило к огласке или инцидентам³⁸. Так уживались представления о полковых традициях с требованиями военного времени.

Повседневность гвардии соприкасалась с другими социальными группами и корпорациями в городе. Важнейшим из них был мир дезертиров. Предположительно в городе их находилось несколько десятков тысяч. Значительное количество дезертиров давали запасные части самого гарнизона: 2–7% личного состава некоторых пехотных и 0,1–0,2% гвардейских частей были в бегах³⁹. Несмотря на то что этот жизненный мир дезертиров был временным, он постоянно обрастал выразительными чертами. Еще в 1914 г. имели место множество самовольных отлучек нижних чинов из гвардейских частей на театре военных действий. Убежав (часто на время

боев) из одной части, они примыкали к другой. Это происходило благодаря полной безнаказанности совершавших побег, так как действующие полки принимали беглых нижних чинов без всяких документов. Далее они писали письма своим товарищам о благополучном прибытии их в новый полк с точным указанием полка и эскадрона, чем еще более увеличивали число самовольно уходящих на войну. Попытки вернуть бежавших заканчивались ничем⁴⁰. К 1916 г. почти все дезертиры имели за собой преступное прошлое. Как правило, будучи пойманы в столице полицией или военными патрулями, они направлялись в запасные пехотные полки и уже там их судили. Дезертиры в таких полках образовывали специальную роту для беглых – 16-ю. Туда же направляли вообще всех дезертиров: с фронта, из гарнизона, со сборных пунктов. Находясь в таких ротах, дезертиры широко обменивались своим опытом ухода от войны. Многие из них вновь совершали побег. Попав на фронт, они вскоре снова дезертировали, а после ареста попадали в роты беглых. Из рот беглых они направлялись в маршевые роты, из которых вновь устраивали побег. Тем самым происходил обмен опытом дезертирства уже с обычными солдатами. Такому общению способствовала система отправки дезертиров в армию без конвоя⁴¹. Даже штрафы, осуждения не пугали дезертиров. Будучи на фронте, они легко получали прощение за свою вину. Фронтное начальство предлагало в связи с этим не посылать дезертиров на фронт, на что не могло пойти тыловое начальство, как раз пытаясь избавиться от дезертиров, в том числе и в связи с мобилизационными планами. В реальности дезертиры надолго задерживались в тылу, продолжали соблазнять других, видя свою безнаказанность.

Некоторые стороны жизненного мира дезертиров воспроизводили привычные традиции и обычаи корпораций в своей среде. Так, ратник батальона Гренадерского полка И. Гусаров, сбега из части, постоянно возвращался добровольно, что трактовалось начальством как признание своей вины, нежелание мараить честь батальона, и одновременно избавляло бежавшего от строгого наказания. Этому примеру последовали и другие дезертиры в гвардии. Особенностью гвардейцев-самовольщиков было то, что они придумывали себе замысловатую легенду во время своего отсутствия из части. Например, солдат Бураков при допросе назвался дворянином Тульской губ. Б.К. Вельяминовым. Некоторые из побегов гвардейцев осуществлялись даже из гауптвахты, явно по сговору. Дезертиры чувствовали себя вольготно в Петрограде, делили районы проживания, даже выясняли между собой сложные отношения с помощью револьверов и ножей. При этом дезертиры из гвардии

никогда не были задерживаемы за недостойными занятиями – например, прошением милостыни, чем не гнушались беглецы из запасных пехотных батальонов⁴².

В целом дезертиры являлись той средой, которая больше всего способствовала уничтожению особенности, замкнутости жизненного мира гвардии. Объединению дезертиров разных полков способствовало то, что они часто проживали у одного из общих родственников в самом Петрограде⁴³. Но главное – дезертиры имели бесчисленные контакты с частями гарнизона, городскими низами, преступными элементами, и при этом не порывали связи со своими частями. В этом случае они выступали в качестве провокаторов, по типу «революционных» рабочих-забастовщиков, «снимавших» своих товарищей, не оставлявших работу.

Гвардейское начальство хотя и принимало меры против нарушителей воинской службы, но часто при этом не желало ставить под вопрос сложившиеся формы жизни своей корпорации. Это проявлялось в политике судопроизводства в гвардейских частях. Обычно дезертиров переводили в запасные пехотные части и там судили⁴⁴. Если же это нельзя было сделать, то начальник гвардейских частей Н.А. Чебыкин обычно противился направлению дезертиров в военно-полевой суд, предпочитая ему военно-окружной суд, где следствие и судопроизводство задерживалось на длительное время⁴⁵. По всей видимости, такая позиция могла иметь место в условиях борьбы между штабом Северного фронта и Военным министерством за подчинение Петроградского военного округа, включая и гвардейские запасные части⁴⁶.

Ситуация с преследованием дезертиров в гвардии изменилась только с переходом Петроградского военного округа в ведение Военного министерства в начале февраля 1917 г. Вскоре и наказания за самовольные отлучки значительно усилились: за них теперь стали давать очень большие сроки: 10–12–16 лет каторги⁴⁷. В запасных батальонах такое ужесточение наказаний было расценено как нарушение сложившегося статус-кво, что, возможно, стало одной из причин недовольства, приведшего к выводу гвардии из повиновения.

Повседневность гвардии в годы войны столкнулась с повседневностью других элит, корпораций, занимавших прочное место в столичном городе, как до войны, так и во время нее. Важнейшими из таких корпораций были охранные структуры: жандармы, городовые, дворники. Обостренная, конфликтная ситуация ощущалась, правда, не в самой гвардии на службе, а офицерами гвардии, бывшими в отпусках или увольнительных, или даже на службе, но не

при исполнении обязанностей. Однако именно на гвардию переносилось недовольство городского населения, уставшего от военных тягот, виновниками которых они считали всех военных. Военнослужащие рассматривали городских и жандармов как уклоняющихся от военной службы; со своей стороны, городские и жандармы не считали самую видимую часть офицерского контингента – прапорщиков – за настоящих офицеров. Конфликты усугублялись и тем, что прапорщики пытались защитить свой статус не только в военной, но также и в своей, корпоративной, гвардейской иерархии. Не случайно, что свои уличные подвиги (например, избивание извозчиков, городских и т. п.) офицеры-гвардейцы не стеснялись представить на суд сослуживцам, ожидая найти у них понимание в рамках корпоративной чести⁴⁸. Напряженность между силовыми группами в городе усиливалась также и тем, что гвардия нарушала сложившуюся иерархию в городе (городские являлись ответственными за порядок в столице). Все это приводило к множеству конфликтов, порою заканчивавшихся столкновениями сил правопорядка с офицерами и солдатами гвардии с применением оружия⁴⁹.

Угроза для основ повседневности гвардии возникала и в самих ее рядах. Так, среди гвардейцев, назначенных на передовую и готовившихся к назначению в маршевые роты, было сильное недовольство частью гвардейцев, не выполнявших строевые обязанности. Особенное недовольство вызывали музыканты, получившие как бы официальное назначение не заниматься строевой подготовкой. В многочисленных жалобах гвардейцы-маршевики указывали на «несправедливость, которая допускается по отношению к нам, ратникам», подчеркивали, что «не должна быть сделана разница между защитниками родины»⁵⁰. В анонимке солдат батальона Гренадерского полка содержалось требование послать всех на фронт: «Да разве отбывание воинской повинности и долг перед отечеством состоит в исполнении своих обязанностей как артистов?» В жалобе содержалось требование «очистить наши запасные батальоны Петрограда от укрывающихся и жаждущих чаяния вод»⁵¹.

Однако самая сильная угроза принципам жизненного обустройства гвардии имела место при попытке использовать дезертиров для наведения порядка на улицах столицы, причем главным образом среди тех же военных. Для этого в 1916 г. были организованы военно-полицейские команды для патрулирования на центральных улицах и площадях города, трамвайных линиях, на вокзалах. Практически все военно-полицейские команды были организованы от гвардии, батальоны которой и располагались в центре города⁵². Тем самым кардинально изменился смысл деятельности этих элитных

частей, ответственных за порядок в городе. Это означало противопоставление авторитета гвардии как элитной части интересам горожан, нелегальным элементам из среды военных (дезертирам, уклоняющимся от военной службы и т. п.). Деятельность военно-полицейских команд вызвала серьезное противодействие обывателей, собиравшихся толпами при облавах на дезертиров. Она породила даже раскол в среде самих военных, вплоть до нападения казачьих разъездов на патрули, конвоировавшие задержанных солдат⁵³.

Особенно напряженная ситуация образовалась на центральных городских улицах с трамвайным движением, которое дезертиры использовали для бесконтрольного перемещения по городу. Солдаты резко протестовали против новых «трамвайных правил», рассматривая их как «издевательство над нижними чинами и унижение воинского звания». В трамваях постоянно происходили стычки военных, кондукторов с солдатами и дезертирами. Сами солдаты саботировали правила трамвайного движения, не платили за проезд, отказывались подчиняться требованиям военных патрулей, вступали в драки с кондукторами. Во время трамвайных конфликтов происходили постоянные задержки трамвайного движения, что увеличивало скопление публики до нескольких тысяч человек, парализовало центр города. Действия патрулей вызывали сильное недовольство публики. Пассажиры выступали против высадки солдат («героев» и «фронтовиков», по мнению пассажиров). Солдаты, большей частью дезертиры, в свою очередь искали поддержки у пассажиров, которые прятали их внутри вагонов. Во время этих инцидентов шла критика пассажирами, кондукторами самих членов военно-полицейских команд, их оскорбления («семикопеечники», «задержали своего брата» и т. п.). Пассажиры отказывались быть свидетелями при задержании солдат, требовали составления протоколов против полиции и конвоиров-гвардейцев. Конвоирование патрулями солдат в участки сопровождалось протестами многочисленной публики. Происходила откровенная агитация со стороны задержанных (солдат, граждан) среди военных на улицах и даже в самих полицейских участках. Нередкими были призывы к прямому бунту, освобождению задержанных, разгрому участков и т. п.⁵⁴

Накануне Февральской революции гвардейские части оказались в центре серьезных противоречий, возникших в деле мобилизации подготовительных сил для фронта. С одной стороны, усиливались требования в деле их обучения, что было трудно выполнить при наличии данного состава новых пополнений. С другой стороны, наличие в гвардии привилегий нарушало ее единство как

корпорации. Использование же гвардии в борьбе с нарушителями воинской дисциплины в городе столкнуло ее не только с массой дезертиров, но и с многочисленной «публикой», представлявшей собой городские низы, видевшие именно в гвардейцах выразителей ненавистной системы, гнавшей их на нескончаемую войну и обрекавшей на многочисленные тяготы и нехватку предметов первой необходимости. Утрата гвардией особого положения, высокого статуса, уважения в городе явилась важнейшей причиной ее склонности к солдатскому бунту, закончившемуся революцией. Такая революция в значительной мере восстанавливала основания жизненного мира гвардии: элитность и привилегии в виде права на оставление в столице в качестве «гарантов» революции, уважение среди горожан как ее зачинателей, наконец, целостность внутреннего мира всех групп гвардии. Оставалось только вписать вновь обретенные основания повседневности в новый другой мир, представлявшийся как развитие революции.

Примечания

- ¹ В политике творится нечто невероятное: Документы ГАРФ о Февральской революции 1917 г. Документ 2: Из воспоминаний полковника Д. Ходнева. «Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка» // Альманах «Россия XX век». 2008 [Электронный ресурс] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/71770> (дата обращения: 23.06.2017); далее: Из воспоминаний полковника Д. Ходнева... *Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 3–4.
- ² *Волкова И.В.* Солдатский бунт и Февральская революция 1917 г. // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/09/752> (дата обращения: 06.11.2016).
- ³ В литературе есть ошибочные утверждения, согласно которым в гвардейских запасных батальонах находилось по 15–20 тыс. чел., что уже делало бы эти батальоны «неуправляемыми» в дисциплинарном отношении. См.: *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 4: 1917 год: Распад. М.: Кучково поле, 2015. С. 57. См. также расчеты количества рот и солдат в гвардейских полках: *Данильченко, полк. (П.В.)* Для истории Государства Российского: Роковая ночь в Зимнем дворце 27 февраля 1917 г. // Военная быль. [Париж,] 1974. № 176. С. 4.
- ⁴ РГВИА. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 148. Л. 122.
- ⁵ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 258. Л. 205об.; Оп. 10. Д. 1728. Л. 214; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 6. Л. 136.

- 6 Там же. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 15–18.
- 7 Там же. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 148. Л. 122; Ф. 1343. Оп. 2. Д. 258. Л. 205об.; Оп. 10. Д. 1728. Л. 214; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 6. Л. 136.
- 8 Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 396.
- 9 РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 120. Л. 75, 77. Л. 79–80, 293, 384, 413, 427.
- 10 Там же. Д. 107. Л. 86–86об.
- 11 Там же. Д. 106. Л. 477, 481, 488, 494, 498 и др.; Д. 107. Л. 22–23об., 32–32об.
- 12 Там же. Д. 129. Л. 247–247об.; Д. 106. 31об.; Ф. 1343. Оп. 2. Д. 244. Л. 51–52.
- 13 Там же. Д. 106. Л. 266–266об.; Д. 225. Л. 82. Л. 106–107об.; Ф. 1343. Оп. 8. Д. 23. Л. 16об.
- 14 *Данильченко, полк (П.В.)*. Указ. соч. С. 4.
- 15 *Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в первой мировой войне // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 37.
- 16 *Волкова И.В.* Указ. соч.
- 17 РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 6. Л. 56об.; Ф. 7868. Оп. 1. Д. 161. Л. 2.
- 18 Там же. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 13. Л. 120; Д. 17. Л. 29.
- 19 *Данильченко, полк (П.В.)*. Указ. соч. С. 5.
- 20 РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1507. Л. 11; Оп. 13. Д. 1166. Л. 44, 32; Ф. 2006. Оп. 1. Д. 32. Л. 55–55об.; *Гончаренко О.Г.* Три века императорской гвардии. М.: Вече, 2006. С. 149–151.
- 21 РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 106. Л. 25–27об.
- 22 Там же. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 13. Л. 29–29об., 165, 166, 173–173об.; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 380–384.
- 23 *Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 37.
- 24 РГВИА. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 18. Л. 56–57; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 106. Л. 60–60об., 224–228; Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2808. Л. 82об.–83об., 97об.–98; Д. 2840. Л. 192, 211.
- 25 Там же. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 87–89об.
- 26 *Г. Др.* Измайловский досуг // Военная быль. [Париж,] 1972. № 116. С. 14.
- 27 *Чадаева А.* Августейший поэт: Великий князь Константин Константинович. М.: Вече, 2013. С. 225–227.
- 28 *Г. Др.* Указ. соч. С. 13–18.
- 29 РГВИА. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 13. Л. 107, 109об., 111, 119.
- 30 Там же. Л. 95–97, 102, 103, 107, 109об., 111, 119, 123–125, 127, 157, 161, 186, 187; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 161. Л. 4–5, 45; Из воспоминаний полковника Д. Ходнева...
- 31 РГВИА. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 13. Л. 129, 130, 183–185, 193–193об.
- 32 *Г. Др.* Указ. соч.
- 33 РГВИА. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 13. Л. 432; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 432–432об., 566об.
- 34 РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 156–157об.
- 35 Там же. Л. 503.
- 36 Там же. Л. 244–245, 498–499.

- ³⁷ Там же. Л. 633–634.
- ³⁸ Там же. Л. 142–149об.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 238. Л. 402–402об.; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 8. Л. 66.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 10. Д. 9127. Л. 11–11об.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 1346. Оп. 10. Д. 2846. Л. 89–90.
- ⁴² РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 257. Л. 77об.; Оп. 8. Д. 23. Л. 27об.; Оп. 10. Д. 9127. Л. 65–65об.; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 201. Л. 154; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 129. Л. 123–124; Д. 225. Л. 82.
- ⁴³ Там же. Оп. 10. Д. 2846. Л. 31–32.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 133; Д. 256. Л. 156–156об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 225. Л. 68об.–69, 72–73, 75, 76–76об., 82, 109, 110, 110об., 112–112об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 111–111об., 121–122, 125; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 245–246.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 23. Л. 14–16об., 64–68.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 257. Л. 36–38, 41, 42, 47об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 252. Л. 44, 44об., 115об., 299, 299об.; Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 62–62об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 161. Л. 237, 256.
- ⁵¹ Там же. Д. 107. Л. 56об., 87, 88–90об.
- ⁵² Там же. Оп. 10. Д. 2812. Л. 4об., 5об., 33–34; Д. 2805. Л. 40–40об.
- ⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 257. Л. 12–15.
- ⁵⁴ Там же. Д. 244. Л. 51–52; Д. 250. Л. 128об.; Оп. 10. Д. 2835. Л. 4.